

**Ричард МЭДЛИ**



Ричард МЭДЛИ



ОДНАЖДЫ  
Я ТЕБЯ  
НАЙДУ



Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84(7Сое)-44  
М97

Серия «Свет в океане»

Richard Madeley  
SOME DAY I'LL FIND YOU

Перевод с английского *О. Корчевской*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств  
Luigi Bonomi Associates c/o Intercontinental Literary Agency  
и Andrew Nurnberg.

**Мэдли, Ричард.**  
М97      Однажды я тебя найду : [роман] / Ричард Мэдли ; [пер.  
с англ. О. Корчевской]. — Москва : Издательство АСТ,  
2017. — 384 с. — (Свет в океане).

ISBN 978-5-17-086704-2

Осенью 1938 года Диана Арнольд знакомится с летчиком Джеймсом Блэкуэллом — мечтой каждой девушки. Именно так она подумала при их первой встрече. Молодые люди влюбляются и играют свадьбу. Но вскоре разгорается война, на которой Диане предстоит потерять брата и мужа...

Десять лет спустя, счастливо выйдя замуж, Диана переезжает на юг Франции. Однажды, сидя в кафе, она слышит голос того, кого, как она думала, уже давно нет в живых. Голос Джеймса! И жизнь Дианы за секунду раскалывается на «до» и «после». Однако Джеймс, которого она любила все эти годы, оказывается вовсе не тем, за кого она его принимала...

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84(7Сое)-44

© Richard Madeley, 2013  
© Школа перевода В. Баканова, 2017  
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-086704-2

*Посвящается Джуди,  
подруге новоиспеченного романиста,  
прощавшей мои провинности,  
пока я, как одержимый,  
работал над этой книгой*

*Мужчинам и женщинам,  
сотрудникам Королевских ВВС —  
тем кто в 1940 году  
уберег эту страну от неминуемой гибели.  
Мы обязаны им всем*

## Пролог

*Юг Франции, 1951 год*

Диана читала утреннюю газету за столиком уличного кафе. Смысл многих слов до сих пор оставался для нее загадкой, однако за два месяца ее французский заметно улучшился — об этом ей говорили все.

Диана пролиставала страницы в поисках информации о погоде. Не то чтобы она в ней нуждалась: день вновь обещал быть солнечным. В ярко-синем небе над цветочным рынком Ниццы ни облачка, воздух, хоть и апрельский, но теплый и недвижимый. Кругом уставленные яркими букетами прилавки — на ее родине в это время года не найти столько свежесрезанных цветов...

В посаженной на жесткий паек Англии вот уже которую неделю температура не поднималась выше нуля. Вчера вечером она звонила отцу в Кент.

— Хорошо, что вы уехали, Диана, — сказал он. — У вас там солнечно и полно еды. А здесь снабжение день ото дня все хуже. Можно подумать, не мы выиграли эту проклятую войну.

Из-за угла медленно вырулило такси и покатило мимо апельсиновых деревьев, разделяющих две полосы проезжей части. Это был довольно потрепанный

довоенный «Ситроен» с опущенными стеклами. Диана подскочила и уже вскинула руку, но заметила силуэт мужчины на заднем сиденье. Он подался вперед и говорил водителю по-английски:

— Нет, не здесь. Я же объяснял — это намного дальше. Езжайте прямо до отеля «Негреско». И побыстрее, я опаздываю.

Диана, пошатнувшись, ухватилась за спинку стула. Не может быть...

— Стойте! — наконец крикнула она, когда такси уже сворачивало на Английскую набережную. — Пожалуйста, стойте!

Однако «Ситроен» влился в поток машин и исчез из виду на длинной изогнутой дороге, за которой искрилось Средиземное море.

— *Madame?* — с озабоченным видом подбежал Арман, хозяин кафе. — Что-то не так?

— Нет, нет... — она снова села. — Все в порядке, правда.

Но она лгала.

Все было не в порядке.

Совершенно не в порядке.

# ЧАСТЬ I

## Глава 1

Окидывая взглядом прожитое — с того самого дня, когда началась эта история, — она удивлялась лишь двум вещам.

Тому, что ей удалось все пережить, и тому, какой глупой она была. Даже когда считала, что ведет себя очень мудро...

«Глупая девчонка, — думала она сейчас. — Безрассудная, возмутительно глупая!»

Впрочем, она была чересчур строга к себе. Многие ли из нас узнали бы дьявола, появившись он с улыбкой на пороге нашего дома?

В семействе Арнольд было принято называть друг друга не теми именами, что даны при рождении. Началось это еще до помолвки мистера и миссис Арнольд. Ее звали Патрисия, его — Патрик, и было совершенно очевидно, что их общее уменьшительное имя Пат внесет никому не нужную путаницу. К общей радости и облегчению, они выяснили, что оба испытывают неприязнь к своим настоящим именам. Краснея, сообщили друг другу о тайных предпочтениях и договорились так и называть друг друга.

Патрик всегда склонялся к имени Оливер, почему — он не знал.

А Патриции казалось, что мягкое звучание имени Гвен удивительным образом сглаживает резкие, заостренные черты ее лица (по крайней мере, таковыми их считала она) и делает менее заметными костлявые бедра и вывернутые носками наружу ступни (опять же, по ее собственному мнению). Разумеется, этими мыслями она не стала делиться с женихом, а сказала лишь, что всегда мечтала быть Гвен, «и логики в этом не больше, чем в твоих сожалениях о том, что тебя не назвали Оливером, мой дорогой».

На том и порешили. Вскоре сыграли свадьбу. Первым родился сын, затем дочь. Когда пришло время, дети с изумлением узнали о заключенном соглашении и последовали примеру родителей. В восемь лет Роберт с серьезным видом поставил семью в известность, что предпочел бы называться Джоном. Если уж начистоту, его сестре имя Роберт нравилось куда больше, да и свое имя — Роуз — ее тоже вполне устраивало, однако постепенно девочка стала испытывать настойчивое желание присоединиться к семейной игре и даже сочла себя обязанной это сделать.

После мучительных раздумий и долгих тайных совещаний со школьными подружками, с восторгом принявшими участие в процессе, Роуз наконец приняла решение и накануне Рождества сообщила о нем родителям и брату.

Новое имя утвердили как раз перед началом нового десятилетия.

Роуз унес с собой водоворот 1920-х.

Будущее принадлежало Диане.

## Глава 2

*Юг Англии, 1938 год*

Оливер любил прорезающий меловые породы ручей под изгородью между облюбованной кроликами лужайкой и огородом. Собственно говоря, мистер Арнольд гордился всем, что было связано с домом, построенным им — или, скорее, купленным — для своей семьи.

Они вчетвером жили в Дауэр-Хаусе на окраине района Уилд в графстве Кент. Вернее, впятером, если считать горничную Люси, занимавшую комнатку на верхней площадке черной лестницы.

Окрестности были покрыты густыми лесами, и летним днем в машине на пути к крошечной железнодорожной станции, расположенной в трех милях от дома, мистер Арнольд мысленно сравнивал окаймленные густой растительностью дорожки с картинками из нового полнометражного диснеевского мультфильма, действие которого происходило в шикарном лесу.

Их с Гвен восхитило мастерство Диснея. Даже непочтительные высказывания Джона и Дианы («Да это же мультфильм, Оливер»; «Мама, это всего лишь рисунок»), с великой неохотой согласившихся посетить вместе с родителями самый большой в Ройал-Танбридж-Уэллс кинотеатр, иссякли с первыми кадрами «Белоснежки и семи гномов».

— Действительно здорово, папа, — одобрил Джон, когда они шли назад к машине.

В подростковом возрасте дети мистера Арнольда стали называть его Оливером, чтобы поддразнить или разозлить, и папой, когда пытались выразить скупое

уважение. Обращаться по имени к матери им и в голову не приходило.

— Некоторые сцены — ну то есть фон, на котором происходит действие, — были просто великолепно. Мама, по-моему, для следующей картины тебе стоит перенять этот стиль и немножко его доработать. Мне кажется, выйдет неплохо.

Гвен кашлянула.

— Боюсь, у господина Диснея найдутся возражения. У меня свой романтический стиль в живописи, а у него — свой. Да, я с тобой согласна, милый, это было здорово, но немного... как бы это сказать... примитивно, что ли.

До переулочка, где мистер Арнольд оставил машину, шли в неловкой тишине. Гвен очень трепетно относилась к своим занятиям живописью, особенно после того, как однажды в вечерней газете напечатали нелицеприятный отзыв о ее первой выставке.

— Какая ложь! — взметнулась она, смяв в сердцах газету. — Мое вдохновение — я сама! Я ничем не обязана людям, о которых он пишет. Обвинил меня едва ли не в плагиате! И теперь это прочтут все наши друзья... Оливер, сделай что-нибудь!

Мистер Арнольд был юристом, и весьма успешным. Он специализировался на делах о клевете и предпочитал в суде представлять истцов, обладая особым даром вызывать у людей чувство глубокого сопереживания к своим клиентам. В работе он использовал обычные риторические уловки.

— Представьте, что такое написали о вас. Как бы вы себя чувствовали? — обращался он к присяжным, а затем бросал полный упрека взгляд на адвоката ответчика, будто тот обязан устыдиться, что защищает разносчиков сплетен.

Присяжным на инстинктивном уровне импонировали его уверенный, хорошо поставленный голос и привлекательная внешность. Мистер Арнольд не был красавцем в привычном смысле этого слова, но обладал приятной улыбкой и уверенными манерами. Присяжные чувствовали, что могут ему доверять, им нравился обращенный к ним скрытый посыл его речей: «Вы люди здравомыслящие, я это вижу. Уж нам-то с вами и не разобратся с таким пуствяком?»

Самое главное в работе любого адвоката — расположить к себе присяжных. В этом залог победы.

Профессиональный успех принес ему большое состояние. Долгие годы его время оценивалось по самым высоким ставкам, а газетчики, услышав, что против них будет выступать Оливер Арнольд, предпочитали урегулировать споры без судебного разбирательства.

Он покорно унес так задевшую Гвен статью в свою контору в Холборне, тщательно изучил и пришел к выводу, что там нет ничего оскорбительного. Пожалуй даже, в статейке весьма толково проанализированы слабые стороны художественного мастерства жены. Там писали, что многое в ее творчестве перенято у других, и с этим он был склонен согласиться, когда после работы прогулялся по некоторым из упомянутых автором галерей.

Вечером в разговоре с женой он слукавил.

— Ничего не поделаешь, Гвен. Отзыв относится к разряду добросовестных. Да, конечно, нам он кажется несправедливым, но критики должны иметь право высказывать свое мнение. Понимаю, тебе неприятно, однако на твоём месте я просто выбросил бы все это из головы. Как там сказал Уайльд? «Что бы о вас ни говорили, хуже может быть только од-

но — когда о вас не говорят». Что-то в этом роде... По крайней мере, дорогая, незамеченной ты не осталась.

На лице жены отразилось негодование.

— Ну разумеется, если ты принял их сторону, то ничего не поделаешь!

Несколько недель она с ним не разговаривала.

С тех пор прошло три года, и только к весне 1938 года уязвленное самолюбие перестало терзать Гвен и позволило вернуться к кистям и холсту в мансарде Дауэр-Хауса. Хотя у мистера Арнольда и было свое (невысказанное) мнение о способностях жены, порицать ее за вновь обретенную веру в свои силы он не мог. Более того, ему пришлось отменить долгожданную поездку в Озерный край: Гвен заявила, что у нее, «возможно, не получится» сделать в работе перерыв.

— Только не сейчас, Оливер. Уверена, ты меня поймешь. Я никогда не испытывала такой бури вдохновения.

Одна незавершенная картина, изображавшая вазу с чахлыми незабудками, не особо вязалась в голове ее мужа с бурей вдохновения, тем не менее он написал в отель у озера Алсуотер и горестно распростился с внесенным задатком.

Все две недели отпуска мистер Арнольд, прихватив с собой приготовленный Люси ланч, в одиночку исследовал окрестности, а его жена тем временем трудилась — или, скорее, красовалась — за мольбертом. Дети уехали на учебу, в доме царила тишина, и впервые за долгие годы его сердце тронула тоска. Справиться с ней помогали прогулки.

Больше всего он любил вглядываться с холмов Уилда в окутанный дымкой Лондон на севере и отблески моря на юге. Маленькие бледно-голубые бабочки вспархивали с кустов, окаймляющих тропинки,

когда он шел по гребню возвышенности между Северной и Южной грядками. «Кентский ответ Малверн-Хиллз»\*, — каждый раз, поднимаясь сюда, бормотал себе под нос мистер Арнольд. Сравнение, несомненно, тщеславное, но оно доставляло ему удовольствие. Правда, сейчас даже самые солнечные деньки омрачались растущей угрозой войны.

Невидимая, на юге за горизонтом лежала Франция. Та самая страна, которая двадцать четыре года назад противостояла грозному, беспощадному кайзеру, а теперь отважно смотрела в ледяные глаза фюрера.

Поедая бутерброды с ветчиной на склоне холма над Эшдаун-Форест, мистер Арнольд с трудом верил, что вот-вот грянет еще одна война. С прошлой он вернулся из Франции в чине майора. Приехав на короткую побывку в Лондон, он попросил руки Гвен, и от ее восторженного согласия сладко защемило сердце, однако в душе он не верил, что доживет до собственной свадьбы.

Он до сих пор испытывал неподдельное изумление, что в той войне ему удалось уцелеть. Его зачислили в полк летом 1914 года, сразу по окончании школы. Планы по изучению права в университете были отложены, хотя и Оливер и родители втайне рассчитывали, что через несколько месяцев он займет свое место в Оксфорде — уж к новому-то году точно. По всеобщему убеждению, война должна была закончиться самое позднее к Рождеству.

К концу 1918 года из кадетов выпуска мистера Арнольда в живых остался лишь он один. Он понятия не

---

\* Гора на западе Центральной Англии высотой сорок четыре метра — место, популярное среди туристов. — *Здесь и далее примеч. пер.*